

ГЛАВА 1

В самый темный час ночи, во время второго снаⁱ, к нему подходит деканⁱⁱ. В одной руке свеча из сердцевины ситника, в другой — боевой посох с железным наконечником, которым декан грубо тыкает его, заставляя проснуться.

— Вставай, Томас, — говорит он. — Тебя требует приор.

До службы первого часаⁱⁱⁱ еще далеко, и Томас надеется: если он будет притворяться спящим, декан оставит его в покое и разбудит кого-то из других каноников^{iv} — мо-

---

ⁱ В Средние века практиковался двухфазный сон с перерывом на два-три часа. Люди укладывались спать рано, с наступлением темноты, затем пробуждались и бодрствовали два-три часа, потом снова засыпали, теперь уже до рассвета.

ⁱⁱ Декан — старший над десятью монахами.

ⁱⁱⁱ В средневековых монастырях служба первого часа — богослужение на рассвете.

^{iv} Каноник — член кафедрального либо коллегиального капитула (собрание монастыря). Термин имеет греческое происхождение и обозначает священнослужителя, внесенного в список (*канон*), т. е. каталог епархии.

жет, брата Джона или храпящего брата Роберта. Мгновением позже одеяло сдернуто, и холод в тот же миг сковывает тело, сжимает, будто клещами. Томас садится, пытается снова натянуть на себя одеяло, но декан отшвыривает его в сторону.

— Пошевеливайся. Приор ждет.

— Что ему нужно? — спрашивает Томас. У него уже зуб на зуб не попадает, от тела поднимается пар.

— Узнаешь, — отвечает декан. — И плащ свой захвати. Одеяло тоже. Все, что есть, бери.

В тусклом сиянии свечи его лицо — сплошь густые брови и крючковатый нос, а голова отбрасывает огромную тень на обледенелый черепичный потолок. Томас разворачивает свой задубевший от мороза плащ, находит шерстяной капюшон и деревянные башмаки. Накидывает на плечи одеяло.

— Поживей давай, — торопит декан, тоже стуча зубами.

Томас встает и следует за ним по dormitorio, переступая через съжившихся на полу других каноников. По каменной лестнице они вместе спускаются к келье приора, где в подсвечнике чадит восковая свеча и на толстом, набитом сеном тюфяке лежит старик под тремя одеялами, которые он натянул до самого подбородка.

— Да пребудет с вами Господь, святой отец, — начинает Томас.

Приор отмахивается от его приветствия, не вынимая рук из под одеяла.

— Слышишь? — спрашивает он.

— Вы про что, святой отец?

Не отвечая, приор своей продолговатой головой показывает в сторону закрытого ставнями окна. Томас слышит лишь дыхание декана, стоящего у него за спиной, да тихое дребезжание собственных зубов. Потом издалека доносится вопль. Пронзительный, тонкий, будто визг наточенного лезвия, вопль звучит все громче и громче. Томас содрогается и невольно осеняет себя крестным знамением.

— Это лиса, — смеется приор. — А ты думал кто? Может, заблудшая душа? Или какой-нибудь мелкий бес?

Томас не отвечает.

— Наверное, в петлю угодила в роще за рекой, — предполагает декан. — Один из послушников — Джон, кажется — расставляет там силки.

Молчание. Вот и посылали бы за этим Джоном, думает Томас. Раз он расставил силки, его и надо отправить в ту рощу. Пусть убьет лису, избавит ее от страданий.

— Давай, брат Том. Одна нога здесь, другая — там, — говорит декан.

— Я? — уточняет Томас, наконец-то сообразив, что к чему.

— Да, — подтверждает приор. — Или ты считаешь, это ниже твоего достоинства?

Томас именно так и считает, но молчит — не перечит.

— Смотри, как надо. — Декан с размаху вонзает наконецник посоха в голову воображаемой лисы. — Чуть выше глаз.

Декан воевал во Франции. Известно, что он убил человека. Может, и двух. Декан отдает Томасу боевой посох — длинный, почти в его рост, и с одного конца потемневший, словно им мешали в большом котле. Декан выпроваживает Томаса из кельи, а приор добавляет ему вдогонку:

— Да, а тушку сюда принеси. Мне нужен мех, а инfirmариюⁱ — плоть.

Следуя за горящей свечой декана, Томас спускается по каменным ступенькам в благоуханную темноту трапезной. В очаге под крышкой тлеют угли. Их тепло манит Томаса, но декан уже прошел через комнату к выходу и отодвинул засов.

— Матерь божья! — восклицает он, открывая дверь.

На улице так студено, что ноги примерзают к земле, птицы на лету падают замертво, мельничные жернова раскалываются.

— Ступай, Том, ступай, — говорит декан. — Скорее начнешь — скорее закончишь. Когда вернешься, я напою тебя горячим вином.

ⁱ Инfirmарий — врачеватель при монастыре. Заведовал больницей, аптекарским огородом, умел готовить лечебные снадобья.

Не давая Томасу и рта раскрыть, декан выталкивает его на мороз и захлопывает дверь у него перед носом.

Господи всемогущий. Ведь он только что спал, грезил о лете, и ему было почти тепло. А теперь?

От холода, застревающего в горле, болит голова. Томас плотнее укутывается в плащ. Пару мгновений стоит в нерешительности, затем поворачивается и идет по двору к воротам для нищих, звонко стуча деревянными башмаками по обледенелой земле.

Отодвинув засов, выходит за стены монастыря. На востоке уже брезжит рассвет; снег, укрывающий болотистую пустошь, излучает холодное голубое сияние. В южной стороне, где река делает петлю, застыло на полуобороте, словно раззявленный рот, мельничное колесо. Дальше — пекарня, пивоварня, амбар, где трудятся послушники. Стены строений заиндевели, крыши прогибаются под тяжестью снега. Сейчас там безлюдно. Пустынно. Ни души.

Снова пронзительный вопль. Содрогаясь, Томас оглядывается на ворота, словно надеется, что ему позволят вернуться в дормиторий, но потом собирается с духом и заставляет себя идти вперед. Делает шаг, второй. Старается держаться монастырских стен, следуя туда, где виднеется темная лента старой дороги, которая ведет через болотистую пустошь к Корнфорду и лежащему за ним морю. Было время, думает Томас, когда на этой дороге бурлила жизнь, даже в такое утро, как сегодня. Торговцы везли шерсть в Бостон, откуда на кораблях товар переправлялся на склады в Кале. Или паломники шли поклониться гробнице Хью Линкольнскогоⁱ.

ⁱ Хью Линкольнский, или Маленький святой Хью из Линкольна (1246 г. — 27 августа 1255 г.) — английский мальчик, убийство которого ложно приписывают евреям. Один из самых известных «святых» кровавого навета (ложное утверждение, что евреи убивали христиан, дабы использовать их кровь в ритуалах). Убийство юного Хью описано несколькими летописцами, в том числе Матвеем Парижским, но он так и не был официально канонизирован католической церковью.

Ныне же, когда в стране царит беззаконие, в это время суток на дороге можно встретить либо безумцев, либо злодеев, либо тех и других.

Томас приближается к сестринской обители. Обмороженные ноги горят, в них ощущается пульсация. Окоченевшие пальцы до того распухли, что он вряд ли сможет сегодня держать в руке перо, а значит, ни на йоту не продвинется в переписывании псалтири. Даже зубы ломит от холода.

У ворот сестринской обители Томас ненадолго останавливается, заглядывает во двор, хотя знает, что это грех, затем покидает сень монастырских стен и срезает путь через поле, которое послушники грядущей весной засеют рожью. Идет примерно фарлонгⁱ по протоптанной в снегу тропинке до навозной кучи у реки. Здесь тропинка заканчивается. Дальше — вздыбленный снег, проломленный лед. Словно кто-то набирал воду.

По пологому берегу Томас спускается на скованную льдом реку. Вокруг его щиколоток вьются завитки туманной дымки. Он топчется на месте, проверяя прочность ледяного покрова, хотя знает наверняка, что лед крепкий, выдержит и запряженную волом повозку, потом в несколько широких шагов быстро переходит через заиндевелые камыши на другую сторону. Выкарабкиваясь на берег, снова слышит лисий вой — хриплый, пронизанный болью. Томас замирает. Вой внезапно обрывается, будто отрезанный.

Вновь охваченный нерешительностью, Томас оглядывается на приорат — скопление низких каменных зданий, теснящихся вокруг приземистой церковной башни. Сквозь крышу трапезной в бледнеющее небо струится дым. Томас жалеет, что пришлось покинуть надежные стены монастыря. Сейчас бы готовился к богослужению или, может, еще бы спал и грезил во сне о лете.

Будь он проклят, приор. За то, что разбудил его. Послал за лисой.

ⁱ Фарлонг — мера длины, равная восьмой части мили (= 201,1 м).

А почему? Почему именно его? Почему не этого Джона, который расставил силки? Томас — писец, иллюминаторⁱ, а не какой-то там послушник, деревенский мальчишка на побегушках. Сегодня он намеревался украсить позолотой одну из заглавных букв, отполировать золотой слой собачьим клыком брата Ательстана. А теперь у него пальцы как колбаски.

Томас прекрасно понимает, что это, конечно, все происки приора. Тот задался целью сбить с него спесь. Так и сказал накануне вечером, когда за ужином проповедовал против гордыни. Во время трапезы Томас не раз чувствовал на себе взгляд старика, но не придавал этому значения. Не выказал должного раскаяния. Вот ему и преподали урок.

Он идет туда, где снег глубже и белый покров ни разу не был потревожен с тех пор, как начались снегопады после Дня св. Мартинаⁱⁱ в минувшем году. Бредет по колено в снегу, оступаясь, барахтаясь. Вскоре на нем нитки сухой нет. Но Томас не останавливается, поднимается по покатоному склону к самой роще. В нескольких шагах перед ним вырастает стена из переплетенных сучьев. Дышать больно. Томас вглядывается в кружево спутанных ветвей, но не видит ничего, кроме темноты. Тем не менее он уверен: там что-то есть. Волосы на затылке опять встают дыбом. Концом посоха он раздвигает ветки.

Взрыв шума. Оглушающий треск. Душераздирающий крик, хлопанье крыльев. Что-то черное летит на него — прямо в лицо, в глаза.

Взревев, он пригибается, размахивает посохом, бросается в снег.

Но ворона уже далеко.

Летит прочь, оглашая округу жутким карканьем.

ⁱ Иллюминатор (от *лат.* *Illumino* — «украшаю») — монах-писец, художник, умевший особым образом расцвечивать заглавные буквы первых слов в столбцах.

ⁱⁱ День святого Мартина отмечается 11 ноября.

У Томаса сердце рвется из груди. Он причитает, бормочет что-то невразумительное. Когда встает на колени, видит, что руки у него посинели, под тунику набился снег.

Ворона уселась на увенчанный снежной шапочкой шест у навозной кучи.

— Мерзкая птица! — кричит Томас, потрясая посохом. — Подлая мерзкая птица!

Ворона не обращает на него внимания. В монастыре начинается звонить колокол. От реки поднимается туман — густой, будто шерсть. Томас поворачивается лицом к роще. Теперь он полон решимости, но не знает, как пробраться через колючие кустарники. Бьет по ним посохом, идет вокруг рощи, пока не находит тропинку, проторенную, очевидно, братом Джоном, предполагает Томас. Он ныряет под низкие ветки, продирается в рощу. Сучья цепляются за тунику, с верхних веток на него сыплется снег. Он переступает через поваленное дерево и оказывается на краю маленькой поляны. Что-то заставляет его остановиться. Он отводит в сторону ветку, и вот она, лиса — тусклое рыжее пятно во мгле.

Томас делает шаг вперед.

Шея и нога зверушки застряли в проволочной петле, а сама проволока закреплена на отростке граба. Лиса, почти окоченевшая, стоит на задних лапах — по сути, висит. Голова ее поникла, узкая мордочка утыкается в окровавленную грудку. Снег она лапами соскребла до самой черной мерзлой земли; всюду кровь, клочья рыжего меха.

Томас крестится, стоит как вкопанный, прислушиваясь. Ухо улавливает какие-то звуки. Потом до него доходит, что их издает лиса. Она еще дышит: после каждого вдоха, сопровождающегося свистящим клокотом, следует мучительный выдох и хриплый взвизг.

Спустя мгновение лиса, по-видимому учуяв Томаса, приподнимает голову.

Охнув, он отступает на шаг.

Лиса ослеплена, из пустых блестящих глазниц сочится густая кровь.

До него доносится карканье вороны.

— Подлая мерзкая птица! — выдыхает Томас. И снова крестится.

Лиса устало роняет голову на грудь.

Томас собирается с духом, подступает к лисе, поднимает посох и с размаху вонзает наконечник в голову зверька, как учил декан. *Хрясь*. Лиса дергается в петле. Снег орошают брызги крови. Лиса содрогается, испускает протяжный шумный вздох. И умирает.

Томас вытаскивает из чаши раздробленных костей наконечник, измазанный в кашице серого мозга с темно-красными прожилками, вытирает его о снег под грабом. Управившись, на пару мгновений замирает в неподвижности, потом напоследок осеняет лису крестным знамением, благословляя тварь Божию, и уже хочет уйти, как вдруг вспоминает наказ приора.

Томас со вздохом отставляет в сторону посох и ищет узел, перебирая пальцами проволоку от ветки, за которую она зацеплена, до самого низа ствола, обвитого стеблями ломоноса. Задача не из легких. Пальцы онемели, а узел, затянувшийся туго-натуго, когда лиса пыталась вырваться из петли, покрыт ледяной коркой.

Стоя на коленях, прижимаясь ухом к шершавому стволу, Томас пытается распутать узел, но он не поддается. Тут нож надобен, спохватывается Томас, проклиная себя за забывчивость. И вдруг слышит крики людей и топот лошадиных копыт, несущиеся со стороны дороги.